

*Майку, моей второй половине.
Люблю тебя.*

Глава 1

Десять лет назад

*Суд по делам семьи и несовершеннолетних округа
Фэрфакс, штат Вирджиния*

Нина Эсперанса взглянула на человека, от которого зависела ее судьба. Судья Альберт Макинтайр молча листал представленные на рассмотрение документы. Сидя за длинным дубовым столом, Нина постаралась унять дрожь в коленках и придать лицу учтивое выражение. Бумаги подшиты к делу, показания даны — осталось выслушать вердикт.

Наконец судья поднял взгляд и объявил:

— Я готов утвердить ваше ходатайство, однако сперва хочу убедиться, что вы осведомлены о последствиях. Решение суда отмене не подлежит. Отныне ответственность за все ваши действия полностью ляжет на вас.

Адвокат Кэл Уизерс поправил тугой воротничок рубашки.

— Она согласна, ваша честь.

Уизерсу поручили представлять интересы Нины на слушании. В свои семнадцать она еще не имела права самостоятельно обращаться в суд. Седовласый адвокат держался спокойно и деловито, что выдавало в нем опытного юриста. На его изможденном, изрезанном морщинами лице отразилось многолетнее бодание

с судебной системой по делам несовершеннолетних, где справедливость торжествовала отнюдь не всегда.

Мельком взглянув на Уизерса, судья обратился к девушке, чья жизнь должна была вот-вот измениться навсегда:

— Я понимаю, почему вы подали прошение об эмансипации¹. Особенно теперь, в свете последних событий.

Те немногие, кого допустили на закрытое слушание, заерзали на стульях, однако Нина не шелохнулась. После случившегося она поклялась себе никогда больше не доверять опекунам. Если судья отклонит ходатайство, она снова сбежит из дома. И уж на этот раз не объявится до совершеннолетия.

— Вы доказали, что в состоянии себя обеспечить, — продолжил судья Макинтайр. — Вот только как вы намерены жить дальше? Есть ли у вас планы на будущее?

Не успела Нина открыть рот, как Уизерс сообщил:

— Ваша честь, в представленных документах сказано, что мисс Эсперансу приняли в Университет Джорджа Мейсона². Кроме того, ей назначили стипендию и частично выделили средства на оплату обучения. Она уже работает на полставки, а жить планирует в общешитии, которое...

Судья остановил его взмахом сухощавой, в возрастных пятнах руки.

— Пусть юная леди ответит сама.

Уизерс хотел вмешаться, дабы оградить подзащитную от щекотливых расспросов. Вместе с сотрудни-

¹Эмансипация несовершеннолетнего — юридический процесс, в результате которого ребенок старше четырнадцати лет может официально отказаться от опеки родных или приемных родителей. — *Здесь и далее прим. пер.*

²Университет Джорджа Мейсона — государственное высшее учебное заведение США, расположенное в округе Фэрфакс, штат Вирджиния, неподалеку от Вашингтона.

цей службы опеки он проинструктировал ее накануне слушания. На случай, если судья спросит о карьерных планах, они заготовили трогательную речь о том, как Нина решила стать медсестрой, воспитательницей в детском саду или вступить в Корпус мира¹. Что вообще-то ложью не являлось: она действительно рассматривала эти варианты. Хотя быстро их отмела. Теперь Нина твердо знала, чему на самом деле хочет посвятить остаток жизни. Вот только одобрит ли ее выбор судья?

Уизерс незаметно коснулся ее ноги носком ботинка. Нина знала, каких слов от нее ждут, однако не привыкла поступать по чужой указке. Возможно, поэтому и меняла приемные семьи как перчатки.

Нина выбрала правду.

— В университете я буду изучать уголовное право, — приосанившись, заявила она. — А затем устроюсь детективом в полицию, чтобы до самой старости ловить ублюдков, которые мучают детей.

Уизерс спрятал лицо в ладонях. Сотрудница службы опеки мотнула головой.

Не обращая на них внимания, Нина обратилась к судье:

— Достаточно четкие планы, сэр?

Макинтайр прищурился.

— А психолога вы продолжите посещать?

— Да, сэр.

— В силу многих причин вы рано стали самостоятельной, мисс Эсперанса, — заключил судья. — Но вот вам мой совет: когда необходимо, научитесь принимать помощь от других.

¹ Корпус мира — гуманитарная правительственная организация США, отправляющая добровольцев для помощи бедствующим странам.

Зал погрузился в молчание. Все взгляды обратились к Макинтайру.

Нервы у Нины, и без того распатанные, были натянуты до предела. Вдруг судья решит, что сама она не справится? Девушка затаила дыхание.

Спустя целую вечность тишину нарушил басовитый голос:

— Я удовлетворяю ваше ходатайство.

Нина с облегчением выдохнула.

— Теперь что касается остального, — сурово продолжил Макинтайр, и улыбка на лице у девушки угасла. — Вы также подали прошение о смене фамилии. — Он показал собравшимся нотариально заверенный документ. — Вы намерены поменять фамилию Эсперанса, данную вам в младенчестве, на Геррера. Но вы и так сможете это сделать — в восемнадцать. Всего через год. Зачем спешить?

Уизерс прокашлялся.

— Ваша честь, нынешнюю фамилию моей клиентке дали в приюте, когда стало ясно... — юрист бросил на Нину извиняющийся взгляд, — что ее вряд ли удочерят.

Девушка сцепила руки на коленях и уставилась на переплетенные пальцы. В детстве она ничуть не походила на кудрявых белокурых малышей с блестящими голубыми глазками. Она не могла похвастаться ни фарфоровым личиком, ни розовыми щечками. Соцработники ни разу не назвали ее милой или скромной. Напротив, в обрывках взрослых бесед то и дело проскальзывали слова «упертая» и «своенравная». Малышкой она еще не понимала их истинный смысл, однако сразу уяснила, что эти черты — вкупе с темными волосами, карими глазами и смуглой кожей — отличают ее от прочих девочек.

Девочек, которых удочеряли.

Уизерс поспешил прервать неловкое молчание:

— Раньше у моей клиентки не было возможности решить этот вопрос. Теперь же, освободившись от опеки штата, она хочет, чтобы фамилия отражала ее новое кредо.

— Кредо? — Судья приподнял кустистую бровь.

— Сэр, вы знаете испанский? — спросила Нина, глядя ему в глаза.

— Нет.

Она сделала глубокий вдох. Лучше все выложить без утайки.

— Я отыскала соцработницу, которая занималась мной в самом начале, семнадцать лет назад.

— Мне известно о ваших... обстоятельствах, — помрачнев, произнес судья.

Обстоятельства. Безликий клинический термин, призванный не задеть ее чувства. Судья выразился так из добрых побуждений, но это ничуть не смягчало горькой правды.

Когда Нине исполнился месяц, ее оставили умирать в мусорном баке.

Сглотнув комок в горле, она продолжила:

— Соцработницу зовут Мирна Гонсалес. По ее словам, сперва меня прозвали Малышкой Джейн Доу¹. А затем подобрали мне этнически подходящее имя — и я стала Ниной. Это английский вариант слова «*niña*», что по-испански значит «девочка». Миссис Гонсалес надеялась, что я попаду в любящую семью, поэтому дала мне фамилию Эсперанса — «надежда». — У Нины снова перехватило горло, и она еле слышно добавила: — Вот только все сложилось иначе.

— Да, — признал Макинтайр. — Совсем иначе.

¹ Имя «Джейн Доу» (или «Джон Доу», если речь о мужчине) используется в англоязычных странах для обозначения анонимной персоны или неопознанного тела. Изначально Джоном (или Джейн) Доу именовали в суде истца, если тот неизвестен или пожелал остаться анонимным.

Нине понравилось, что он не стал ее утешать.

— А почему Геррера? — любопытствовал судья.

— *Guerrero* — по-испански «воин», «боец». А *guerrera* — с буквой «а» на конце — то же самое, только про женщину.

Мгновение судья обдумывал ее слова. В его глазах сверкнуло понимание.

— Воительница, значит?

Нина качнула головой в знак согласия.

— Надежду я оставила в прошлом, — тихо сказала она и, вздернув подбородок, добавила: — Отныне я сражаюсь.

Глава 2

Наши дни

*Парк Лейк-Аккотинк, Спрингфилд,
штат Вирджиния*

Райан Шеффер едва не прыгал от нетерпения. Главное — сохранять ясность ума. После долгой и тщательной подготовки этот миг наконец-то настал. Послеполуденное солнце, пробиваясь сквозь кроны, бросало пятна света на пролежавшую неподалеку тропу. Теплый осенний ветерок шелестел листвой кустарников. Увы, слабый аромат азалий почти не заглушал резкого запаха пота, которым разило от лучшего друга Райана — Зиппо. Тот как раз высунул голову из-за кустов, чтобы посмотреть, где бегунья.

— Вон она! — Поднес к глазам бинокль и направил его на тропу, петлявшую вдоль берега озера Аккотинк. — В голубой майке!

— Дай поглядеть! — Райан выхватил бинокль, отчего приятель разразился бранью. — О да! — Он подкрутил резкость, и сердце забило быстрее. — Секси-штучка!

Бегунья выглядела весьма соблазнительно: коротко стриженные, влажные от пота волосы, спортивный костюм из спандекса, облегающий стройную фигуру. Райан прислушался к ритмичному шороху подошв: жертва приближалась к засаде. Кровь забурлила у него в венах.

— Она мелкого роста, — заключил Зиппо. — Наверное, легкая, как пушинка. Отбиться силенок не хватит. — Он пихнул товарища костлявым локтем. — Ты ее в два счета завалишь!

Райан, без пяти минут выпускник старшей школы Ист-Спрингфилд, уже давно перерос своего отца. Четыре года на футбольном поле научили его сбивать соперников с ног. Друг прав: он эту пигалицу в два счета сцапает.

Каждый день после тренировки приятели ходили в парк — по словам Зиппо, «караулили добычу». Со всем как охотники. Наконец-то им попалась идеальная жертва.

— Не сдрейфишь? — прищурился Райан.

— Да я всегда готов! — Зиппо сжал ширинку джинсов.

— Про съемку помнишь?

— А то! — Приятель вытащил одноразовый мобильник, приобретенный на прошлой неделе.

Райан оприходует жертву первым, а друг снимет прямую трансляцию. Зиппо поклялся, что копы их не вычислят. Райан захватил сразу две балаклавы — закончив с дамочкой, он уступит место приятелю. Это будет нечто!.. Райан показал Зиппо большой палец и снова поглядел в бинокль.

— Секунд через тридцать прибежит сюда. Приготовься.

Они натянули балаклавы. Опустившись на корточки, Зиппо просунул телефон сквозь брешь в листве.

Райан тоже присел, касаясь земли одной ладонью, как перед началом игры в американский футбол. Ку-

сты здесь росли особенно густо — когда добыча спохватится, будет уже поздно.

Бегунья приближалась. Приятели устроили засаду на финальном участке тропы, рассчитывая, что к концу забега жертва выбьется из сил. Хотя какая разница? Она же тщедушная. Карие глаза на миниатюрном лице казались просто огромными. Скоро они распахнутся еще шире, подумал Райан, и его тело напряглось в предвкушении. Он приготовился и замер.

Как только молодая женщина пробежала мимо, он резко выскочил из укрытия и со всей силы двинул плечом ей в спину.

Бегунья ничком упала в траву на обочине. Удар сбил жертве дыхание, однако Райан понимал: через миг другой она найдет в себе силы крикнуть.

Этого допустить нельзя.

Когда женщина перевернулась на спину, он снова рванул вперед и навалился на жертву всем своим весом. Воздух с хрипом вышел из ее легких — а значит, Райан выгадал еще пару секунд тишины.

Внезапно, прежде чем он успел среагировать, бегунья нанесла ответный удар — двинула ладонью ему по носу. Взвыв от боли, Райан оттолкнул ее руку. Попытался схватить женщину за запястья, а она нацелила колено ему в пах. Райан чудом избежал угрозы, едва подавив желание откатиться в сторону и прижать колени к груди.

Пришло осознание: если срочно не взять ситуацию под контроль, психичка надерет ему зад. Бедрями зажав ее ноги, Райан потянулся к запястьям — таким тоненьким, что впору удержать одной рукой. Одно он ухватил и почти уже добрался до другого, как вдруг чувствительное место на шее — возле угла нижней челюсти — взорвалось болью.

Отдернув голову, он мельком заметил в свободной руке у соперницы что-то черное. Она пырнула его ножом? Где же кровь? Одной рукой еще сжимая запястье бегуни, Райан занес другую, чтобы ударить ее по лицу, и тут дикая боль вернулась, раскаляя добела каждый нерв от плеч и выше. Пигалица еще сильнее вдавила ему в шею черный предмет.

Мысли улетучились, осталась лишь боль — самая мучительная в жизни Райана. Она захлестнула его, опустошила, обездвигила.

Где Зиппо? Небольшая частичка разума, еще способная мыслить, признала: ему, спортсмену, требовалась помощь, чтобы одолеть женщину вдвое меньших габаритов. И зачем он ввязался в это дерьмо?..

Скосив глаза влево, Райан увидел спину стремительно убегавшего Зиппо: серая футболка раздувалась на ветру как парус. Он решил, что убьет крысеныша при первой же возможности.

Когда пульсация в шее немного отпустила, Райан понял: женщина о чем-то его спрашивает.

Ее огромные карие глаза превратились в узкие щелочки.

— Ваше имя?

Из-за жгучей боли его мыслительный процесс свелся к простейшим операциям. Нервные клетки сигнализировали лишь об одном.

— Мне больно!

— Неужели? — Бегунья надавила сильнее, отчего перед глазами у Райана поплыло. — С чего бы это? Сейчас подсажу. Может, не стоит нападать на женщин?

— Я не... Я просто хотел вас разыграть, — еле выдавил он в свое оправдание.

— Хватит, — незнакомка скривила губы. — Вы арестованы.